

УДК 323.1(470+571)

К РУССКОМУ ВОПРОСУ Беседа с Е. Я. Сатановским

САТАНОВСКИЙ Евгений Янович — президент Института Ближнего Востока (бывший Институт изучения Израиля и Ближнего Востока)

— Евгений Янович, существует точка зрения, что для русских распад Советского Союза был не освобождением, как для других народов, а трагедией. Согласно социологическим исследованиям, многие русские считали своей родиной весь Советский Союз, у них, собственно, и не было национальной республики. Возникает вопрос, почему в свое время именно РСФСР стала инициатором Беловежских соглашений? Это, безусловно, демагогический вопрос, но, может быть, на него все же можно ответить именно в «национальном контексте»?

— Ответа в «национальном контексте» не существует. Да и освобождением — от ответственности перед вышестоящим начальством — распад любой империи, в том числе СССР, может оказаться только для лидеров вновь образуемых государств. У всех остальных, независимо от национальности, страна, в которой они живут, уходит из-под ног. Неважно, что говорят по этому поводу политики. Их действия не имеют никакого отношения к национальным, групповым, классовым и прочим интересам, но всегда являются следствием личных отношений, личного видения и личных желаний. Идет ли речь о политике Наполеона или Цезаря, Петра Первого или Бориса Николаевича Ельцина, исключений здесь не бывает. Политика может быть частью той или иной национальной идеи, но для этого надо, чтобы такая идея была. У Давида Бен-Гуриона она была, но не он ее придумал, и это исключительный случай. А в большинстве случаев политика стоит на том, что вам нужна власть, а под эту власть, если вы на верхней ее ступени, нужно государство. И в этом плане Беловежская пуща была следствием реализации естественного желания руководства партийно-государственного аппарата — людей, которые входили в Политбюро, — получить каждому по стране, где бы они были президентами. В этих собственных странах они бы не зависели от других членов Политбюро, им бы не приходилось ничего ни у кого спрашивать, не нужно было ничего ни с кем согласовать, и они сами себе были бы хозяевами.

— В какой мере справедлив тезис о том, что недостатки национальной политики привели к развалу Советского Союза, если руководители республик, в том числе автономных, как впоследствии показали события на Северном Кавказе, были ведомы не национальным и даже не классовым самосознанием, а личными идеями?

— Мне всегда очень смешно, когда мы говорим о классовом самосознании применительно к партийным руководителям каких бы то ни было республик. Классовое самосознание — это удачная провокация конца XIX — начала XX вв. Оно необходимо было

исключительно для того, чтобы мобилизовать на этой идее массы, скинуть элиту и самим сесть на ее место.

Беловежская пуща была результатом того, что многократно происходило в истории. Отличие нашего прецедента от развала Римской, Британской или Французской колониальных империй состоит только в том, что мы умудрились разойтись более или менее спокойно, без большой крови. В том числе потому, что расходились люди, которые много лет вместе, сидя на соседних стульях, решали общие проблемы. Советской национальной политикой были подготовлены основы и институированы будущий развал СССР и дальнейшее расхождения страны вплоть до конца 1990-х. Если у страны нет скрепляющих ее экономических, инфраструктурных и политических проектов, чего ради она должна существовать в качестве единой страны? Более того, инфраструктурных и экономических проектов нужного уровня в стране нет до сих пор. Дороги не построены, сети аэропортов для перевозки населения за разумные деньги по всей территории России не существует. Система русификации мигрантов, направленная на обучение их русскому языку и традициям — совершенно не важно, негры это, китайцы или кто угодно другой, не просто не работает, она не включена пока ни в какую государственную программу. Система интеграции мигрантов из ближнего зарубежья провалена полностью, вся программа работы с так называемыми соотечественниками ни к чему, кроме бюрократии и воровства, не привела.

Но пока, тем не менее, внутренние дезинтеграционные процессы по политической воле высокого начальства прерваны, различные дезинтеграторы были приведены в состояние уменьшенной вольности либо завалены деньгами, как произошло на Кавказе. Это вовсе не значит, что эти процессы остановились. Если деньги перестанут выдаваться или не будут приняты меры, для того чтобы страна представляла собой нечто целое, то в 30–40-е годы текущего столетия, когда нынешнее поколение политической элиты уйдет со сцены и придет следующее, жестко прагматичное, воспитанное на том, что нет идеалов, а есть только личный интерес, процесс развала пойдет всерьез. При этом нынешние ультрапатриоты и главные сторонники державной власти перекуются в течение 30 секунд, как это всегда в таких случаях и бывает. А скорее всего, они просто начнут кроить, каждый под себя, маленькое или большое государство, а дальше все будет зависеть от способности центральных властей это безобразие прекратить.

— Вы мыслите сепаратизм в прагматичных категориях экономической целесообразности. Интересна идеологическая база сепаратизма — после распада Советского Союза, когда начался парад суверенитетов, в воздухе витала идея виктимизации, жертвенничества отдельных национальных групп, которые, как они говорили, пали жертвой русского «большого брата», лишившего их собственной культуры.

— Национальная политика в советские времена отличалась в нашей стране именно созданием письменности и культуры так называемых малых народов. Так же, как и созданием национальных литератур, очень часто руками каких-нибудь русских, татарских, украинских, еврейских журналистов и писателей. Вне зависимости от того, была ли это литература народов Крайнего Севера, Кавказа или Центральной Азии, в огромной мере ее создали литсекретари. Поэтому говорить о жертвенничестве можно в том смысле, что были репрессии, которые в сталинские времена ударили весьма и весьма кроваво по колоссальному количеству этнических групп. Однако русские репрессиям были подвергнуты

ничуть не меньше, чем все остальные. Практически целиком была уничтожена русская национальная элита. Кто не погиб, ушел в эмиграцию, остались немногие.

Сталинские депортации были варварством ассирийского типа и выселение чеченцев, балкарцев, крымских татар было, безусловно, абсолютным садизмом. Но была и кампания по очистке Ленинграда от классово чуждых элементов или того же Ленинграда от этнически чуждых элементов, так называемых чухонцев: финнов, эстонцев, представителей других прибалтийских групп, которых из города трех революций просто выселили на Урал и в Сибирь, где многие погибли. Разговоры о том, что кто-то пострадал не от власти, а именно от русских — это что-то вроде голодомора, который России пыталась инкриминировать идеологическая группа, сконцентрировавшаяся в свое время вокруг президента Ющенко, пытаясь представить это как геноцид украинского народа. Но ведь геноцид-то был в отношении всех, кто жил на Украине — и русских, и евреев, и поляков. И голодный геноцид в Поволжье в отношении русских, немцев или татар, был не меньшим, чем голодомор на Украине.

Позже, сразу после возвращения из ссылки оказалось, что утраченные земли являются предметом жесточайших конфликтов. Как можно поделить между ингушами и осетинами дома в Пригородном районе, в которых жили ингуши, а после их выселения заняли осетины? Да никак. Сложилась трагическая ситуация кровной мести, этнической мести. Выросла диверсификация национальных окраин. Я не могу сказать, что уничтожение русских в Чечне в 1990-е гг. менее трагическое, чем выселение чеченцев Сталиным в 1950-е. Бессмысленно обсуждать моральные действия той или другой стороны, которая преследует, грабит, насилует, уничтожает мирное гражданское население. И совершенно не важно, чем все это безобразие вызвано: угнетением прошлых или позапрошлых периодов, подзуживанием извне или собственным озверением.

— Что из себя представляет «русская идентичность» после 70 лет советской власти? Что означает быть русским сегодня?

— Вопрос «кто такие русские» ставил не Сталин. Он воплотил идеал диктатуры. Диктаторов всегда помнят. Никто не вспоминает в качестве лучшего, наверное, правителя страны за последнюю тысячу лет, убитого Александра Второго. Вспоминают либо тиранов (Ивана Грозного, Петра Первого, Сталина), либо несчастного разгильдяя Николая Второго, который развалил страну, растерял все, что 300 лет собирали его предки. То, что он трагически погиб и семья его погибла, не делает его лучшим монархом. По крайней мере, десятки миллионов жертв, которые понесла страна после 1917 г. — это результат его политики. И понимать это никто особенно, к сожалению, не стремится. Точно так же, в Чечне, наверное, будут помнить Дудаева или Кадырова-старшего, Кадырова-младшего, Закаева и Яндарбиева, Масхадова или даже Хаттаба. Но мало кто будет вспоминать, к огромному сожалению, Махмуда Эсамбаева, человека безмерной доброты и колоссального таланта. Мало кто будет вспоминать простых чеченцев, которые стали жертвами этой войны, поскольку не собирались принимать ничью сторону. Они жили в стране, они были гражданами этой страны, а страна эта от них ушла в 1991 г., они оказались без точки опоры.

Поэтому говорить о том, кто такие русские, надо с определения, что в эту категорию вкладывается. Это народ, который создал империю, это нация или это этническая группа? Если это нация, тогда у вас есть империя. Если это этническая группа, которая завязана насмерть на православии, тогда вы империю потеряете со всей той кровью, в первую

очередь русской, которая будет после этого. Не очень понятно, где останавливаться в определении границ русскости. Где остаются культура, литература, русский язык? Куда вы денете из истории России Витуса Беринга, Екатерину Вторую и всех российских царей после Петра Первого — в датскую или немецкую историю? Да, собственно, и до Петра — остальных Романовых или их предшественников, Рюриковичей, надо переместить из истории России в монгольскую историю или в историю Швеции? Есть очень немного этнических групп, которые из племени переросли в народ, а из народа выросли в нацию, как англичане, французы и китайцы. Русские перемешивались со всеми своими соседями именно потому, что это механизм роста и подъема государства. Поэтому армяно-грузинский по происхождению Булат Окуджава — русский национальный поэт, а татарские по происхождению (что следует из их фамилий) Тургенев и Аксаков — русские писатели. Да и Суворов — армянин по матери — все-таки не армянский полководец, а русский фельдмаршал.

Существовавшую традицию смешения русского большинства с представителями других национальностей и их последующую русификацию Советский Союз унаследовал от России, Россия — от Великого княжества Московского, Великое княжество Московское — от всего, что было до него. У нас есть группы, представители которых не женятся ни на ком извне, а есть которые женятся. Напомню смешную ситуацию, когда Эзра и Нехемия, вернувшись после персидского «отпуска на свободу» из вавилонского плена, увидели, что за сравнительно короткий период образовалось на территории Израиля, поняли, что все переженились с кем ни попадя, и ввели теоретический запрет на смешанные браки. Но абсолютно теоретический, потому что с тех пор у евреев всерьез такой запрет не действует. Видимо, поэтому сегодня вышедшая замуж за израильтянина русская Анастасия Михаэли — депутат кнессета, да и Талмуд писали бывшие греки или люди смешанного происхождения, вроде рабби Меира или рабби Акивы.

С исторической точки зрения очень многие из тех, кто считает себя русскими — не потомки славян или потомки не только славян. Русские в процессе истории интенсивно смешивались с балтийскими народами, с уральскими, сибирскими, народами Кавказа, в конце концов — с европейцами. Волна французской, немецкой, голландской эмиграции на территорию нашей страны дала нам много кого в русской элите. Основной группой, с которой смешалась после революции интеллигенция Российской империи, были евреи. Пять-шесть миллионов с одной стороны, пять-шесть миллионов с другой. Причина была в совпадении приоритетов: образование, воспитание детей, европейская культура. Это, вообще, любопытный факт, который интеллигенцию обьевреил, а евреев обинтеллектил. Чему большими противниками были как еврейские ортодоксы, так и сторонники этнической национальной русской идеи.

— Что значит с практической точки зрения сегодня быть русским? Значит ли это быть православным или нет?

— А это уже каждый сам себе выбирает. Православие является, безусловно, важной частью исторического наследия России. Но даже в обществе «Память» или среди реставраторов икон немало людей нерусских. Потому что живете вы на территории некой страны, где есть доисторическое, археологическое наследие, есть природа, есть историческое наследие. И оно общее для всех тех, кто живет в этой стране сегодня. Конечно, у российской государственности с православием связан период протяженностью почти в

тысячу лет. Православие — это историческое наследие нашей страны, точно так же, как, кстати, славянское и неславянское язычество, ислам, который в Поволжье пришел по торговым путям, или иудаизм, корни которого на территории Краснодарского края восходят к античности. При этом русское православие сильно отличается от исходного греческого, а русская православная церковь от эфиопской и прочих православных церквей.

— Современная Россия фактически продолжает советские традиции национальной политики, что выражается, например, в формальной институционализации национальности: несмотря ни на что существуют национальные республики. Продолжается ли русификация? И если да, то в каком формате?

— К сожалению, никакой русификации — ни скрытой, ни явной — в сфере языка, образования и культуры не продолжается. Если понимать под русификацией общий код поведения, общий уровень применения законов, общий уровень владения языком и знаниями, который был достигнут в России, русификация — явление крайне положительное. Но сегодня происходит деградация системы образования, науки да и норм обыденной жизни как в национальных республиках, так в русских регионах. Идет «варваризация» страны, ее одичание. Причины — глупость, бюрократия и воровство. Восстановить свое национальное — замечательно. Уничтожить или ограничить все, кроме того, что воспринимаешь как свое, — чудовищно.

Екатерина Вторая не случайно отменила прозелитизм, прекрасно понимая, что резня будет страшная, что национальные окраины взбунтуются. Одно дело «русифицируетесь добровольно и с песнями», потому что понимаете, зачем вам и детям вашим это нужно, а другое дело, когда вас из-под палки заставляют. Здесь нет однозначно негативных или однозначно позитивных тенденций. Сегодня в Интернете вы можете найти все: Солженицына и Проханова, Губермана и Городницкого, Окуджаву и Пушкина. А уж дальше ваше дело, что из этого вы выберете, насколько вы разберетесь, что вы от этого получаете, кто именно и зачем вам что «продает». Другой вопрос — что стоит за криками о русификации и национальных идеях. Вот здесь очень и очень любопытно смотреть, как сепарируется среда. Один слой — люди, которые что-то делают, второй — люди, которые борются против тех, кто что-то делает. Те, кто создают, и те, кто разрушают. Это две категории людей, существующие и у русских, и у нерусских. Именно поэтому, скажем, в России есть люди, которые часто и публично бьют себя в грудь, уверяя (и, наверное, сами верят в это), что они готовы умереть за палестинскую идею, полагая это признаком своей русскости. Но они совершенно не понимают, что есть кто-то, кто не только не готов умереть за палестинскую революцию, а вообще полагает ее бредом, страшно вредящим самим палестинцам. Причем все это есть не только в России. Сегодня это стандартная ситуация в любой стране Европы. Французы, у которых большой процент населения африканцы или арабы, говорят: что значит быть французом? Англичане, у которых бунтуют живущие в стране пакистанцы, выходцы из Африки или стран Карибского бассейна, говорят: что значит быть англичанином? Они пытаются понять, как сочетать европейскую демократию с тем, что в том или ином районе живет исламское большинство и поэтому в школах внукам стариков-пенсионеров, которые там родились и прожили всю жизнь, запрещают ставить рождественские елочки или читать «Сказку о трех поросятах» — чтобы «не провоцировать».

— Как Вы оцениваете просьбы мусульман России построить большее количество мечетей? Можно ли говорить о некоей русифицированной культуре большинства, которая в России должна воспроизводиться, или будущее России в «цветущей сложности» и определенной ассимиляции самих русских?

— Вопрос в том, что в этих мечетях будет происходить, а не в их количестве. Кроме того, это попытка не столько удовлетворить чаяния паствы, сколько загнать или заманить эту паству туда, где она совершенно не готова была бы быть, если бы такого рода объекта не было. Напомним о практически пустом помещении для намаза в парке Сокольники, по окончании последнего рамадана, при толпе в несколько десятков тысяч у здания мечети на Проспекте Мира в Москве. Нет проблемы создать мечеть или церковь. Придите в помещение, откройте молельный дом и молитесь себе на здоровье. Никто же не сказал, что мечеть должна быть непременно с минаретом, как и церковь должна быть непременно с колокольней. Да и синагог это тоже касается.

Зачастую главное тут — построить храм, а потом судорожно искать людей, которые в этот храм пойдут и его наполнят. Или, наоборот, надо куда-то девать большое количество профессиональных кадров, для которых нет рабочих мест. Звонарям тоже трудоустроиваться надо. Вернувшись к нашему вопросу: любая этническая группа, безусловно, имеет полное право строить себе любой храм. Если есть достаточное количество людей, любого вероисповедания, то, пожалуйста, стройте себе церковь. Мечеть. Кирху. Синагогу. Костел. Медресе. Или дацан. Но давайте вспомним, что церковь в России, вообще-то, отделена от государства. А российское государство загнало себя в некоторую ловушку, пытаясь вернуться к старой формуле: православие–самодержавие–народность. Это значит, что государству надо не просто восстанавливать исторические храмы (что обязательно, независимо от того, какой конфессии принадлежат эти храмы), но и строить новые. Но если государство берется строить православные храмы, то, значит надо строить для всех, иначе получится несправедливо. Однако существует простая схема: вы хотите храм — стройте его за свои деньги, за пожертвования. А вот государство уже, в свою очередь, должно жестко фиксировать все, что там происходит внутри построенной церкви/мечети/синагоги. Потому что если там внутри происходит собрание радикалов или «пятой колонны» совершенно неважно чьей (турецкой, иранской или саудовской), которая будет вводить свои учебники в школьном обучении – это вопрос безопасности страны и ее граждан. И это справедливо в отношении любых конфессий.

— Получается, что государство должно полностью устраниваться от задачи поддержания какой бы то ни было религиозной традиции, даже если это «цивилизационная традиция» большинства?

— Давайте будем откровенны, а большинство за свои деньги будет строить церковь или мечеть? Большинству это на самом деле нужно? Когда мы говорим о том, что в России 20% мусульман, это вранье, потому что надо смотреть на активность верующих. И у вас будет 3-4% верующих, 5-6% активно посещающих церковь. И в православии то же самое. И у евреев не больше — меньше. Но те, для кого вера и церковь важны, построят церковь — либо руками, либо деньгами. Сегодня у нас мусульман-миллиардеров более чем достаточно, чтобы все мечети чувствовали себя замечательно. Вопрос в том, хотят ли богатые люди участвовать в строительстве церквей или же они атеисты, агностики, безразличные или

просто жадные люди. Тот же вопрос относится к пастве — она ленива и настоена на халяву, или может собраться на православный, исламский, еврейский, какой угодно другой субботник или «пятничник» и чего-нибудь построить для себя сама.

— Как бы Вы охарактеризовали основную тенденцию, наблюдаемую в современном исламе, в частности в исламе российском?

— Главная тенденция — радикализация. Впрочем, это радикализация не только российского, но любого, в том числе индонезийского, малазийского и тем более европейского ислама. Эта проблема есть и в Латинской, и в Северной Америке, где студенческие клубы и мечети оккупированы ваххабитскими улемами и молодежными лидерами. А связано это с тем, что на распространение данного типа ислама Саудовская Аравия и подобные ей страны потратили уже не один миллиард долларов.

В России радикализация ислама усугубляется еще тем, что происходит большой переток населения внутри страны, включая мигрантов из постсоветских республик и жителей из традиционно исламских российских регионов, атакуемых эмиссарами и миссионерами извне.

— Радикальный ислам обычно ассоциируют с Северным Кавказом. Можно ли провести демаркационную линию между ориентацией российских мусульман Северного Кавказа и, например, Поволжья?

— Нет. Кончилась демаркационная линия. Потому что и на Северный Кавказ, и в Поволжье идут деньги и люди — из Ирана, Турции, Кувейта и Катара, из Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии. Потому что Джамаат Булгар, который воюет в афгано-пакистанском пограничье — это структура, сформированная гражданами России независимо от того, этнические это татары, башкиры или представители Северного Кавказа. И вся эта исламистская банда с российскими паспортами разъедется потом по местам происхождения. Турцию интересует Поволжье, существует весьма продвинутый проект экспансии Ирана в то же Поволжье, да и вообще в глубинку России. Иран с его шиитским исламом — смертельный враг саудовцев и конкурент суннитских религиозных центров вообще. В традиционно суннитских регионах он уязвим и потому проводит (и не только у нас) идею, что мусульмане не слишком отличаются в религиозном плане и Тегеран просто помогает мусульманам распространять ислам.

В России при всех ее проблемах не хватает только гражданской войны различных групп и группировок — просирийских, проливанских, проегипетских, войны между турецкими и иранскими резидентурами и лоббистскими группами.

— Есть ли различие между российскими мусульманами и мусульманами из арабского мира? Если есть, в чем оно заключается?

— Разница между «нашими» мусульманами и «не нашими» пока есть. Она очень проста: в тот самый год, когда Гагарин полетел в космос, в Саудовской Аравии еще торговали рабами. У них может быть много денег, они могут ездить на дорогих машинах, летать на замечательных самолетах, пользоваться твиттерами, айпадами, но это те же люди, которые полвека назад владели рабами. Это ислам из ДРУГОЙ эпохи. Российские же

мусульмане еще помнят время, когда страна была единой, многие помнят, что такое Великая Отечественная война и ГУЛАГ. Более того, мы вместе работаем, мы женим между собой наших детей, и у нас не существует никаких особых внутренних конфликтов. К сожалению, сегодня тон задают «не наши» мусульмане...

— Почему молодые российские мусульмане едут учиться на Ближний Восток?

— Родина ислама — Аравия. Местные теологические заведения имеют историю, насчитывающую столетия, а иногда и более тысячи лет — это и Кайруан, и Аль-Азхар, и университеты Дамаска и Багдада. Это как Гарвард или Оксфорд исламской теологии. Но исламская теология переживает колоссальный кризис, времена мудрого философствования с уважением к соседям и терпимости к иноверцам давно прошли, политический радикализм сегодня завоевывает университеты исламского мира точно так же, как левацкий радикализм завоевывает университеты западного мира. В российских университетах вы не найдете ни троцкистов, ни анархистов, ни анархосиндикалистов, ни эсеров, ни эсдеков, а в Гарварде их половина, в том числе в профессорско-преподавательском составе.

— Как преодолеть тенденцию к радикализации?

— Когда-то, еще при царе, в Бухаре, старинном центре ислама, российская власть пыталась организовывать свои медресе. Но Бухара уже далеко. Значит, можно было бы что-то строить в Казани, Уфе и даже в Москве и Санкт-Петербурге на хорошей университетской базе. Но кто будет строить? На какие деньги? И как отсечь радикальные учебники?

Кроме того, сегодня в стране отсутствует очень важный элемент, в достаточной степени имевший место в Советском Союзе. Речь идет о политике разумной русификации. Разумной, потому что не надо людей унижать и заставлять их платить, пусть маленькие, но чрезвычайно обидные деньги за отсутствие регистрации. Можно проверять их регистрацию без взяток, одновременно давая им понять, что наша традиция исключает забой барашков на Курбан-Байрам на улицах российских городов. Сто-двести лет назад еще было можно — на полудеревенских окраинах, а сегодня уже нельзя.

При этом надо работать не только с мигрантами, но и с принимающим населением. Как говорит один из лучших педагогов мира Евгений Ямбург, у ребенка можно воспитать толерантность до 5–5,5 лет. Упустили — все.

— Насколько способствуют исламизации мигранты из Средней Азии?

— Я очень спокойно отношусь к иммиграции из Средней Азии. Мы говорим в первую очередь о таджиках и киргизах, в меньшей мере об узбеках, и почти не говорим о русифицированных и современных казахах. Эти люди, которых гонят к нам неурядицы, происходящие в их странах, нищета, бедность или стремление к жизни в русской метрополии, естественное для жителей ее бывших провинций. К огромному сожалению, они заполняют колоссальную нишу на российском трудовом рынке черной работы, хотя многие из них — люди с неплохим образованием, которые при соответствующих условиях могли бы добиться гораздо больших успехов. Многие из них стараются вспомнить русский язык, многие из них будут интегрированы и русифицированы. Никакой проблемы в этом не вижу. Есть ли среди них те, кто инфильтрован радикальным исламом, в том числе через

Афганистан? Да, конечно. Есть ли среди них уголовники? Да, конечно. Повышают ли они криминал до того уровня, о котором говорится в различных квазипатриотических пугалках — чушь собачья. Работать с этим надо, а не бездельничать, объясняя итоги собственной глупости и лени «понаехавшими».

— Возвращаясь к собственно русскому вопросу, почему, на Ваш взгляд, во главе преимущественно русского государства часто стояли нерусские?

— Ничего нового здесь нет. Это стандартная схема для Турции и Персии, Китая и России, да и не только для них. В Китае морскими экспедициями XV в. командовал мусульманин Чжэн Хэ, у испанцев Америку открыл итальянец, судя по всему, еврейского происхождения, Христофор Колумб, и была масса людей из бывших евреев и бывших мавров, которым, поскольку была инквизиция, приходилось креститься. У персов на этих ролях были армяне, азербайджанцы или евреи. У турок — греки, армяне, евреи и славяне были государственной элитой, не говоря уже об албанцах, которые основали целые династии на территории Османской империи. Это стандартная вещь, которая имеет два объяснения. Одно снизу, второе сверху. Объяснение снизу означает, что все всегда друг друга не любят, имеют историю кровной мести, родовых конфликтов, межплеменных войн и тяжб. И арбитр всегда извне. Призванный управитель не завязан на внутренние конфликты, он нейтрален, потому что ему совершенно все равно — Псков виноват или Новгород, он будет судить так, как ему кажется справедливым. Именно поэтому на протяжении столетий и была успешна интеграция на территории, которая затем стала ядром Великого Московского княжества, потом Руси, а потом Российской империи. Конечно, к управителю рвались лоббисты, соревнуясь в том, кто чего больше привез — девушек покрасивее или коней порысистой, и часто потому споры и выигрывали. Но это меньшее зло, а вот если посадишь соседа на царство, то понятно заранее, что сосед своим все раздаст, а тебе ничего не будет. Этот стандарт существует во всех империях на всей планете.

Второе объяснение — это интересы верхов. Кого назначить визирем, канцлером или главнокомандующим — проблема, будь ты хоть турецкий султан, хоть царь из династии Романовых. Назначали иноверца или еще лучше инородца, потому что бунта не поднимет, владыку не свергнет и собственную династию не установит. Не пойдут за ним ни холопы, ни бояре, ни гвардия. Ненавидеть его будут. Подозревать во всем будут. Не будет у него прочной опоры и потому он безопасен. Опять-таки это абсолютно стандартная историческая ситуация. И, наконец, очень часто некого звать кроме «варягов». Потому Ломоносов и был первым русским в Академии наук, что не из кого ее было делать, кроме как из немцев. Потому евреев так много в академической, культурной и государственной элите, что у евреев всеобщая грамотность была введена в царствовании Саломеи-Александры, которая правила с 76 по 67 г. до н.э. В Великобритании всеобщую грамотность ввели в 1840-х гг. А в нашей стране — в 1930-м. И это объективный факт. Когда вам нужно развивать науку или искусство или вам нужны управленческие кадры, вы берете из тех, кто умеет делать то, что вам нужно — командовать армией, строить храм или налаживать сельское хозяйство.

Это соответствует логике: ты сам научись у того, кто знает, что и как делать, а потом уже ставь своих. И когда они научатся, то, безусловно, начнется русификация управленческих кадров. То же самое в науке. Другое дело, что существуют люди, которые научиться не могут или не хотят. Именно тогда, когда это несоответствие присутствует, и поднимается крик о засилье инородцев и иностранцев. Потому что хочется тебе быть,

например, главным врачом больницы или директором школы, а не можешь — не потому, что вор и дурак, а потому, что не пускают. Мы провели уникальный эксперимент после развала СССР. Из Советского Союза уехало несколько миллионов человек, в том числе евреи, немцы и армяне. Стало ли от этого лучше медицине, науке, образованию? Нет. Очень часто те места, которые освободились, заполнить нечем. Это не только наша проблема. Например, в отдельных университетах и больницах США крик идет из-за того, что русских много. В медицине, биологии, математике, химии, физике, космосе. Точно так же, как и наши борцы за права русского народа в Израиле, местные сторонники схожих теорий, только в отношении евреев, говорят: понаехали тут. И никакие вы не евреи, и жены с детьми у вас не те, и в парламенте вы нашем засели, и в правительство пролезли.

— Что это такое русская душа?

— Я не очень знаю, что такое русская душа. Не будучи русским, на эту тему, как, впрочем, и о еврейской душе, особенно никогда не задумывался. Строго говоря, можно считать это некоторым теоретическим маркером. У русских есть душа, у итальянцев вкус, у англичан юмор, у французов шарм и так далее. На самом деле у каждого народа есть нечто такое, что он полагает своим маркером. Особенно часто им пользуется тот, кто к этому народу не принадлежит. Душевность, с другой стороны, является следствием некоторого смешения в одном флаконе национальных достоинств и национальных недостатков, наиболее щедро выпячиваемых и часто не столько реальных, сколько типовых. Мы не потому много пьем, что алкоголики — мы посидеть любим, поговорить по душам. Мы не потому плохо живем, что не можем вокруг себя подмести, лень-матушка обуяла, обломовщина, а потому, что душевности в этом нет, метлой целый день махать. С другой стороны, вы всегда можете списать на это какие-то национальные достоинства. Правда, потом выясняется, что заброшенный в Прибалтику русский бизнесмен становится смесью прагматичного американца с упорным немцем, добивается успехов, которых местная прибалтийская элита не добивается, несмотря на всю поддержку государства, и тогда ни про какую его душевность не говорят, а говорят опять-таки: понаехали тут инородцы проклятые, как тебя ни гнобь, а ты сквозь асфальт прорастаешь. Выясняется, что русский, оказавшийся вне российской среды, в Китае или Америке, в Израиле или Германии, в Австралии или Южной Африке — это работающий, жесткий, прагматичный, толковый человек. При этом он не забывает читать книжки, воспитывает детей образованными, и на дурацкие идеи левого толка его не поймает. И поэтому на демонстрации протеста он не идет, он лучше лишнее что-то заработает и обустроит.

Все это сильно связано с тем, что представляет собой наша страна. Как государственное образование мы начинали с чистейших викингов. Разве что Европу завоевывали датчане и норвежцы, а на Русь пришли шведы. И вот это шведское завоевание, когда несколько поколений скандинавов-правителей даже не женились на подчиненных ими славянах, и создало ту систему, которая действует до сих пор. В свое время территорию Восточной Европы средневековые евреи называли Ханааном — было такое библейское царство, где правители торговали подданными. И то, что руководство страны веками полагало себя господами, правящими не гражданами, но в лучшем случае подданными, а в худшем рабами, факт. Возможно, поэтому Россия последней в Европе отменила крепостное право. В XIII в. это наложилось на то, что мы вошли в качестве провинции в империю Чингисхана, где столицей был Каракорум и где обязанностью

подданных было платить ясак и «не рыпаться». Если угодно — это тоже была оккупационная система. Правда, Россия и возникла в соответствующих размерах, расширяясь и продвигаясь в том направлении, так расширялась и продвигалась, что империю эта провинция в какой-то момент под себя начала подминать. Сначала идя на Поволжье и Сибирь, а затем дойдя до границ Монголии и Китая. И третье, что у нас было из составных частей государственного коктейля — византийская бюрократическая система. Не римская с разделением церкви и государства, Сенатом, муниципальными традициями, а именно византийская, где церковь была частью государства и его департаментом. Никакой легальной оппозиции власти в Византии не было вообще, была вертикаль власти и жуткая бюрократия чиновников, которые полагали, что на то и подданные, что они бараны, которых нужно стричь, а некоторое количество резать на шашлык. И это третья составляющая тоже в нас сидит. Из этих трех частей получились и Российская империя, и Советский Союз, да и Россия сегодняшняя. В этом ее плюсы и минусы. И, кстати говоря, ее вечные идеи о битве с Западом. Потому что Восточная Римская и Западная Римская империя испокон века друг друга ненавидели и друг с другом бились. И совершенно неважно, была ли это Византия с Римом или Москва с Вашингтоном. Карма такая.

Беседу провела Раиса Бараш